

ГИРИЛОВИЧ Михаила Павлович

Родился я в сентябре 1933 г. в д. Черная Вирня Жлобинского р-на Гомельской обл. С какого возраста себя помню, не знаю. Помнятся маневры, проводившиеся в 1938 г. или 1939 г. Было много солдат, машин, летали самолеты. С этого момента и до настоящего времени память сохранила все значительные события. Перед глазами и сейчас отчетливо видится картина выселения людей с хуторов в деревню. Это было в 1939 г. Людей заставляли разбирать постройки, перевозить и строить на отведенных в деревне участках дома. Кто не желал этого делать самостоятельно, присылали с района людей, которые разбирали кровли (все кровли были соломенные). Отец вначале перевез сарай, где мы и жили, пока не был перевезен и сложен дом. Однако подготовить жилье к зиме 1940 г., то есть утеплить, сложить печки, мало кому удалось. А морозы в этот год были очень сильные. Сколько было затрачено труда, пролито слез с этим переселением... Хорошо помню, что было очень холодно и голодно.

Много разговоров в селе шло о финской войне, так как старший брат, Сергей (офицер), принимал в ней участие. Письма приходили редко. Отец прочитывал их по несколько раз вслух для всей семьи. Содержание писем не помню.

В 1941 учебном году окончил первый класс Черновирнянской неполной средней школы. Дальнейшее обучение на три года было прервано войной.

Великая Отечественная война просматривается в памяти как на киноэкране с первого и до последнего дня. Среди взрослых шли разговоры, что немцы взяли Минск, скоро будут в г. Жлобине, и фронт остановится на р. Днепр.

Отец был призван в истребительный батальон и домой навещался редко. Постоянно говорил, что дальше р. Днепр немцы не пройдут и скоро наши войска перейдут в наступление. Все жители ожидали скопления войск перед наступлением и соответственно немецких бомбежек. А потому на огородах рыли землянки и укрытия.

Брат Сергей перед войной служил в должности командира роты в г. Волковыске. Вскоре после начала войны к нам в семью пришла невестка Катя. Сергей по тревоге был вызван в часть, а ей велел добираться к нам в деревню. Погиб он под г. Воронежем, летом 1942 г.

Настоящую опасность приближения фронта люди почувствовали, когда в небе все чаще стали появляться немецкие самолеты (их узнавали по звуку моторов). В небе завязывались воздушные бои. На глазах многих жителей нашей и окрестных деревень загорелся и упал советский самолет (летчики погибли). Через деревню потянулись толпы беженцев из г. Жлобина (в основном евреи). Несколько дней подряд из Жлобинской птицефабрики привозили на машинах в р. Ржавку уток. Плотность их в реке стала такой, что не видно было воды. Сплошная белизна.

В сторону Днепра проходили войска, техника, конные обозы. Как стало известно после войны, это были войска корпуса генерала Петровского, которые в районе г. Жлобина – г. Рогачева сходу форсировали Днепр и отбросили немцев до г. Бобруйска.

Появившийся на несколько часов отец говорил, что наши войска перешли в наступление и гонят немцев, авиация бомбит Берлин и другие немецкие города, скоро войне конец. Так думали многие.

Однако все произошло иначе. Корпус Петровского, не получив подкрепления на флангах, во избежание окружения вынужден был с тяжелыми боями отходить к Днепру. Войска вплавь преодолевали Днепр и скапливались в лесах на восточном берегу, подвергаясь массированным ударам немецкой авиации. В течение нескольких дней лес и прилегающие поля были окутаны дымом и пылью. Несколько раз бомбили деревню. Жертв и разрушений не было. По ночам над Жлобином и Рогачевом стояло зарево, слышались гул самолетов и разрывы бомб.

Потом через деревню начали проходить в восточном направлении группы измученных, оборванных и окровавленных солдат. Немцы появились внезапно: сначала на мотоциклах, затем на велосипедах. На восточной окраине деревни начался бой. Раздавались автоматные, пулеметные очереди, выстрелы винтовок. Затем стрельба затихла, и в сторону Жлобина немцы провели группу пленных красноармейцев (чел.20 - 25). Все затихло: ни выстрелов, ни бомбежек, ни своих, ни немцев. Наступило временное безвластие. Началось разграбление колхозного и государственного имущества. Одни ринулись в магазин и тащили все, что там было. Другие - на колхозный двор, пытаясь захватить лучшего коня, повозку и сбрую. А большинство - на р. Ржавку за утками. Каждый пытался отогнать себе стаю побольше, ругаясь

друг с другом. Коров угнали на восток до прихода немцев. В числе погонщиков ушел и мой брат Володя, 1924 г.р. Я и мой брат Борис, 1931 г.р., также отделили себе стайку уток (примерно 8-10 шт., у иных было до 50-100 шт.). Переругиваясь при отгоне уток, я обратил внимание на многих незнакомых мне, то есть не из нашей деревни, мужчин. Впоследствии стало известно, что это переодетые, спрятавшиеся от немцев, красноармейцы. Их было в деревне человек 18-20 («примаки»).

Началась жизнь в оккупации. Вскоре был назначен староста. По улицам разгуливали полицаи, завербованные немцами из нашей и соседних деревень. И днем, и ночью постоянно слышались выстрелы. Это полицаи стреляли собак, кошек, ворон и просто так, для устрашения людей. Оружия и патронов было предостаточно. Кстати, об оружии. В лесу было очень много разбросано винтовок, ручных пулеметов и гранат. Повсюду встречались ящики с патронами и снарядами, различная военная амуниция. Было много убитых лошадей. Ночью двоюродные братья по отцу Иван, 1924 г.р., и Николай, 1930 г.р., нашли новенький мотоцикл, добротное командирское кавалерийское седло и ночью тайно переправили домой. Однако вскоре эти трофеи были конфискованы полицией. На мотоцикле, до своей гибели, разъезжал начальник полиции Турченевич.

На колхозных полях убирали урожай. Не помню, делили ли его на участки, или каждый захватывал сколько мог. Во время копки картофеля мать прямо в поле родила девочку, которую назвали Любой.

Наша семья во время оккупации была в следующем составе: мать, Гирилович Пелагея Аврамовна, 1895 г.р., невестка Гирилович Екатерина Николаевна, 1915 г.р., сестра Вера, 1920 г.р., брат Борис, 1931 г.р., сестры Мария, 1937 г.р., Надежда, 1939 г.р., Люба, 1941 г.р., а также я. Всего - 8 чел.

Поздней осенью появился отец. Мать рассказывала позднее, что их отряд также попал в окружение. Попытки перейти линию фронта оказались безуспешными, а потому, с наступлением холодов и отсутствием продовольствия их распустили по домам. Она предупреждала его, что сразу же после оккупации неоднократно приезжали немцы и добивались сведений о месте его нахождения, а потому на людях ему показываться нельзя. К этому времени многие, призванные в начале войны в армию и попавшие в

плен, вернулись и жили дома легально, говоря, что их отпустили. Отец также решил легализоваться, придерживаясь такой же версии.

Перевезенный с хутора дом был очень ветхим, тепло не держал, а потому до начала войны отец успел поставить новый сруб со стропилами. После возвращения домой почти ежедневно отец стал брать у своих братьев лошадь (братьев было пять) и привозить из леса для окончания постройки жерди и другой материал. Выезжал очень рано и возвращался поздно вечером. Можно только догадываться, что основной целью этих поездок был выход на связь с партизанами и сбор оружия, так как никогда никого из членов семьи он не брал с собой. После наступления зимы поездки в лес прекратил и начал тесать и строгать заготовленный для окончания дома материал.

В январе 1942 г. поздно ночью раздался сильный грохот в дверь и окна. В дом ворвались 5 или 6 полицаев, приказав отцу быстро собираться, силой вытолкали за дверь, не дав даже попрощаться с детьми и женой. Мать стояла окаменевшей, прижимая к груди ребенка.

Утром стало известно, что кроме отца забрали еще пять человек, а днем дошли слухи, что в д. Майское также забрали шесть человек и всех вместе увезли в г. Рогачев. Скорее всего они были бойцами и командирами истребительного батальона и обвинялись в попытке организации партизанского отряда. Немцы упорно добивались от них сведений о месте расположения подготавливаемой базы. После двухнедельных истязаний на допросах их расстреляли на Рогачевском кладбище, где были похоронены в братской могиле.

Повзрослев, да и сейчас, я задаю себе вопрос: почему они не создали партизанский отряд, а разбрелись по домам? Ответ нахожу один: не была подготовлена база. Руководство было уверено, что дальше Днепра немцы не пройдут, и не позаботилось об этом своевременно. Без продовольствия, без жилья перезимовать в лесу было невозможно. Моральный фактор также сыграл свою роль. Ведь немцы интенсивно распространяли слухи, что Москва взята, советской власти конец и нужно беспрекословно подчиниться немецкому порядку. Вдали от Москвы мало кто знал, что это не так. А ведь все надежды в нашей победе были связаны с Москвой.

После гибели отца по вечерам к нам часто стали заходить наши двоюродные сестры-учительницы и «примаки», жившие по

соседству. Разговоры между собой от нас, детей, они не скрывали. Говорили о том, что в Лозовских лесах действует партизанский отряд, что под Москвой разбили немцев и гонят обратно. Это были только слухи. Достоверными сведениями никто не располагал.

В конце зимы или начале весны в нашу деревню из Смоленской области прибыла группа беженцев, которые подтвердили ходившие слухи о разгроме немцев под Москвой и наступлении наших войск.

Должен сказать, что наступление наших войск обрадовало далеко не всех. Весной ожидался раздел земли и люди надеялись, что им вернут отошедшие в колхоз их хуторские наделы. По всей округе весной зазеленели сады и кустарники на бывших хуторских усадьбах. Народ жаждал вернуться к привычному укладу жизни, переселиться на прежние места. Вокруг домов на новом месте не было ни кустика, ни деревца, а на бывших хуторах пропадали великолепные сады, плодово-ягодные кустарники, хорошо удобренные огороды.

Весна и лето 1942 г. особых впечатлений и событий в моей памяти не оставили. Произошел раздел колхозной земли. Нашей семье землю не выделили, так как мы считались партизанской семьей. Довольствовались приусадебным участком возле дома (15 соток). Прежние хуторские наделы людям не возвратили, а нарезали в разных местах полоски принадлежавшей колхозу земли. И взрослые, и дети были заняты посевными работами. Все работали в поле. В деревне стало тихо. Полицаи пьянствовали по-прежнему, однако стрельбу не поднимали. После посевной опять началось оживление. Около домов собирались группы людей. Делились услышанными новостями. Опять доводилось слышать разговоры о партизанах, событиях на фронте. Стали пропадать из деревни «примаки»: молодые мужчины и взрослые парни. Говорили, что по ночам их забирают партизаны.

В одну из ночей к нам постучали и зашли трое вооруженных людей, сделали обыск, поговорили о чем-то с матерью, Верой, Катей и удалились.

Спать в эту ночь старшие не ложились. Обсуждали, что это за люди могли быть. Утром соседи рассказали, что у них тоже производился обыск неизвестными людьми. Пришли к одному мнению, что деревню этой ночью посе-

тили партизаны. Таким образом, слухи о появлении в нашей округе партизанского отряда подтвердились.

Вскоре, ночью, был сожжен полицейский участок (здание бывшего сельского совета). Местные полицейские перебрались в свой центральный участок, находившийся в 3 км от нашей деревни в здании МТС. Появлялись редко и только днем. Ночные визиты партизан стали каждодневными. Потом партизаны на телегах и верхом стали приезжать днем, собирали продовольствие и забирали с собой молодых мужчин и парней, лучшие конные упряжки.

Дети моего и старшего возраста, семьям которых не была выделена земля, были предоставлены сами себе. Искали в окрестных лесах и болотцах что-нибудь из военных трофеев, собирали березовый сок, затем ягоды, грибы. Такие походы устраивались почти ежедневно. Я всегда был в компании с Григорием Николаевым (14 лет, двоюродный брат) и Михаилом Кулаженко (13 лет). Мне в 1942 г. было 9 лет. Семьи Григория и Михаила зимой переехали в нашу деревню из д. Ветки Вир и жили в сельской школе. Мы с братом Борисом рассказывали им, что когда ходили собирать грибы, то видели в Денисовском и Яновском лесах много ящиков со снарядами, патронами, кое-где видели винтовки, гранаты и даже пулемет.

Эти ребята настолько загорелись желанием раздобыть себе оружие, что не отпускали меня от себя ни на шаг. Требовали, чтобы я указал места, где осенью видел оружие. Под видом сбора березового сока повели меня с собой в лес, где еще было много снега. Точно указать место, где и что видел, я, разумеется, не мог. С остервенением разгребая каждый снежный бугорок, ребята так ничего и не нашли. Всю обратную дорогу ругали меня, обзывали вруном. Я клялся, плакал и божился, что не вру. Матери дома сказал, что березовый сок еще не течет. Это действительно было так.

Через некоторое время ребята опять собрались за березовиком, отпросив у матери и меня. Сделали насечки (сокотечение было обильным), подвесили банки и начали блуждать по лесу в поисках оружия и патронов. Однако и на этот раз найти ничего не удалось, хотя несколько мест, где я видел винтовки, я точно помнил. Стало ясно, что все было собрано еще осенью, до снега. С этого момента в меня вселилась твердая уверенность, что мой отец также собирал и где-то прятал оружие, о чем я и сказал ребятам. Теперь они решили

искать тайники.

С весны 1942 г., и на протяжении длительного времени послевоенного периода, постоянно преследовало чувство голода.

Корову и кабана забрали сразу же после расстрела отца. Землю не дали. Семья была на "подножном" корме. Когда началась земляника, Катя ежедневно брала нас с Борисом в лес собирать ягоды. Моя доля была в сборе незначительной. Почти каждую собранную горсть отправлял в рот, но чувство голода не утолялось. По пути домой заходили на хуторские сады и набивали за пазуху незрелых кислых яблок, которыми делились с младшими сестрами. Дома мать наливала пустой, без всяких приправ, борщ из щавеля, а на второе делила принесенные нами ягоды. Одновременно с ягодами собирали также и грибы. На ужин был грибной суп, также ничем не заправленный. И так в течение лета каждый день.

Чтобы прокормиться как-нибудь зимой мать, сестра Вера и невестка Катя помогали родственникам и односельчанам убирать урожай. Платили им зерном и картошкой. Кое-что к зиме было заготовлено, но недостаточно для восьми едоков, поэтому расходовала продукты мать очень экономно, и досыта мы не наедались. В самый голодный период маленькую Любу мать кормила "суслом": жевала кусочек хлеба, клала в тряпочку, завязывала и давала сосать. По соседству жил родной брат отца, Сергей, но не могу припомнить, чтобы хотя бы кто-нибудь дал для ребенка стакан молока, вкус которого Люба так и не познала до самой смерти. Все шарахались от нас, боясь навлечь на себя беду. Ведь мы были семьей партизана.

В течение лета и осени 1942 г. немцы предприняли несколько карательных экспедиций против партизан. Проходя через деревню, забирали свиней, коров, ловили кур. Заходя в дома, искали в укромных местах партизан, требовали яйца, масло, сало. В деревне стоял невообразимый гвалт: визг свиней, кудахтанье кур, выкрики немцев, вопли женщин.

Зима 1942-1943 г.г. прошла относительно спокойно. Днем разгуливали полицаи, а по ночам изредка появлялись партизаны. Весной под усиленной немецко-полицейской охраной местные полицейские запахали свои наделы.

Летом 1943 г. жители деревни впервые "познакомились" с власовцами. Их в то время называли добровольцами. Они направлялись немцами для ведения боевых действий против

партизан. Вооружение у них было хорошим, как и у немцев. При возвращении после боя с партизанами останавливались в деревне на привал, готовили обед, забрав у кого-нибудь свинью или корову (телку). Так, как немцы, они не грабили. С людьми обращались вежливо. Всегда с собой везли раненых, к которым люди относились с состраданием: поили молоком, давали, что было, лучшее: яйца, масло, творог. Людей можно понять. Почти у каждого был в армии сын, муж или брат. Мог попасть в плен и также оказаться на службе у немцев.

Поздно вечером в сторону железной дороги проезжали на подводах партизаны. Ночью слышались взрывы. Это партизаны подрывали железную дорогу на участке между станциями Хальч и Ветка Вир.

В конце июля или начале августа 1943 г. усиленный отряд полиции прибыл из г. Жлобина для уборки урожая зерновых культур. Партизаны знали об их прибытии и устроили засаду. Завязался бой. Выстрелами из миномета были подожжены несколько построек. Полиция понесла большие потери. Был убит начальник полиции Турченович. Вечером в деревню прибыл отряд немцев с двумя танками. Подожгли выстрелами из танков несколько домов в д. Денисовичи и уехали. Жителей деревни не тронули.

Весь этот хорошо запомнившийся день у меня очень болела голова. К вечеру слег в кровать. Заболел сыпным тифом. Сестра Вера и невестка Катя также болели. Мать, брат Борис, сестры Мария и Надежда переболели тифом первыми. За исключением маленькой Любы тифом в это лето переболела вся семья.

Болел тяжело. Находился в бессознательном состоянии. Мать не надеялась, что выживу. Поправлялся долго. Сказывалось отсутствие нормального питания. Когда поднялся на ноги, уже копали картошку. Значит, шел сентябрь.

Вскоре после моего выздоровления в деревне расположился немецкий саперный батальон. Ежедневно всех трудоспособных жителей и подростков стали выгонять для устройства оборонительной линии. Детей моего возраста к этим работам не привлекали. Я почти каждый день уходил с матерью и был вместе с ней до вечера. Работы велись на восточной окраине деревни. Немцы делали разметки и отмеряли каждому участок, на котором нужно было в течение дня произвести работы. Рыли траншеи,

огромные блиндажи, ходы сообщения. Устраивали проволочные заграждения.

Когда работы были закончены и немцы уехали, я со сверстниками неоднократно по траншее добирался до соседних деревень, расположенных справа и слева (Бобовка, Денисовичи). Подготовленная немцами линия обороны протянулась по восточным окраинам деревень Бобовка, Черная Вирня, Денисовичи, Майское, Антоновка, Малые Козловичи и далее - по обе стороны.

В деревню стали приезжать огромные немецкие машины для заготовки картофеля. Партизаны начали взрывать мосты и минировать дороги, не позволяя вывозить картофель. После подрыва нескольких машин на минах перед впереди идущей машиной немцы стали заставлять бороновать дорогу лошадьми, которые управлялись длинными вожжами. Несколько раз лошади подрывались на минах. Люди не пострадали.

В один из осенних дней 1943 г. мать взяла у соседней лошадь и уехала с Борисом в лес за дровами. Борис привез мать из леса с открытым переломом ноги. Оказать медицинскую помощь в деревне было некому. Вера с Катей отвезли мать в Жлобинскую больницу и оставили там на лечение. Через день-два посещали ее в больнице. Потом их предупредили, что в связи с приближением фронта больница закрывается и всех больных нужно срочно разобрать по домам. Самостоятельно передвигаться мать не могла. Нужны были лошадь и телега. Однако охрана через мост на восточную сторону Днепра уже никого не пропускала. Нашли лодочника, переправились через Днепр, и поздно ночью пришли домой. Мы, пять малышей, сидели дома и тихо скулили от страха и голода.

В южном направлении днем и ночью слышался гул канонады. Это шли бои на захваченных у немцев плацдармах правобережья Днепра. Вера и Катя ломали голову, как доставить мать домой. Выхода не находили. Все знали, что если немцы займут оборону на Днепре, мать в больнице погибнет, никто за ней там ухаживать не будет.

В конце ноября или начале декабря немцы заняли оборону на подготовленных по восточным окраинам деревень позициях. Мы жили на западной окраине деревни, примерно в 1,5 км от занятой немцами линии обороны. Расстояние было вполне безопасным от ружейно-пулеметного огня, а потому в каждом доме

расположились немцы. Жителей выгнали в сараи и землянки.

В это время погода уже была морозной. Глядя на нас, детей, полуодетых в лохмотья, грязных и голодных, немцы, видимо, проявили сострадание и выгонять нас в сарай они не стали, заняв только одну, большую половину дома. Катя разместила всех нас на печи, приказав сидеть тихо и спускаться только в туалет...

Немцы поселились в количестве пяти-шести человек. Выход был через нашу комнату и, проходя мимо, они иногда о чем-то разговаривали с Верой и Катей посредством жестов и малопонятных нам слов.

Постепенно, осмелев, я стал спускаться с печи, выходить на улицу, а затем, даже, заходить в комнату к немцам. Моему примеру последовали и другие дети.

Однажды немец всем нам дал по кусочку хлеба с голландским сыром. До этого никто из нас не видел голландского сыра, и его вкус вызвал у нас невероятное чувство наслаждения. Жуя этот бутерброд, я находился на вершине блаженства. Этот познанный в тот момент удивительный вкус сохранялся на протяжении длительного времени. Невозможно было представить, что что-нибудь может быть вкуснее. По нашим глазам и лицам, по жадности, с какой мы проглотили свои кусочки, немцы догадались, какие мы голодные, в какой нищете мы живем. С этого дня они начали нас немного подкармливать. Бояться мы их перестали. Заходить в их комнату немцы не запрещали. В памяти сохранился эпизод нашего знакомства. Один из немцев ткнул себя пальцем в грудь и сказал, что его зовут Фриц. Это вызвало у нас хохот, так как это слово мы слышали по отношению к немцам неоднократно и считали его ругательным. Затем Фриц, указав пальцем на товарища, сказал, что он - Поп. Хохоту нашему, казалось, конца не будет, так как мы знали, что поп - это служитель церкви, к личности которого в тот период относились весьма пренебрежительно, особенно молодежь.

В боевое охранение на передовую линию обороны немцы выходили через сутки. После дежурства чистили оружие, спали, читали, играли на губных гармошках. Уходя на передовую, никогда ничего не прятали. Что-нибудь украсть у нас и мысли не возникало, однако удержаться от соблазна поиграть на губных гармошках мы не могли.

Однажды немцы возвратились с передовой не в полном

составе. Фриц при помощи слов и жестов сообщил Вере с Катей, что их товарищ убит. Пуля попала прямо в лоб.

После его гибели некоторое время на гармошках немцы не играли, ни с кем из членов нашей семьи не общались.

Топить печи днем немцы запрещали. Пока топилась печь и готовилась еда, мы с Борисом забирались на чердак дома и вели наблюдение. Проходящая в полутора километрах от нашего дома передовая линия обороны просматривалась как на ладони. По всей видимой нами линии обороны (от д. Денисовичи до д. Бобовки) в небе беспрерывно зажигались и медленно опускались осветительные ракеты. Русская передовая ракетами не освещалась, однако, где она проходит, мы знали по трассам трассирующих пуль, летящих в сторону немецкой обороны. Она была не далее полукилометра от немецкой обороны и проходила по нашему хутору. Днем ничего этого видно не было. Слышались только пулеметные и автоматные очереди, выстрелы из винтовок, разрывы снарядов и мин (их мы различали по характерным, предшествующим взрыву, звукам). За нашим домом немцы установили три пушки и почти беспрерывно из них стреляли (в основном днем). Выстрелы были оглушительными. Однако вскоре мы к ним привыкли и не обращали внимания. Однажды днем совсем близко раздался разрыв снаряда. Я выбежал на улицу. Одна из немецких пушек была перевернута вверх колесами. Около нее толпились немцы, лежали в крови убитые и раненые. К всеобщей нашей радости немцы, убрав трупы и раненых, подогнали лошадей и увезли пушки куда-то в другое место.

Разрывы снарядов и мин с каждым днем становились все интенсивнее. Иногда снаряды попадали в дома и сараи, оставляя в стенах рваные расщепленные пробоины. Жить в деревне становилось небезопасно. В домах, поближе к передовой линии, уже были убитые и раненые жители.

Немцы стали заставлять взрослых жителей рыть для них и лошадей блиндажи. На нашем приусадебном участке был вырыт огромный блиндаж для лошадей и два поменьше для личного состава. Стены и перекрытия устраивали из разобранных домов и сараев.

В один из дней рано утром все жители деревни были выгнаны из домов и выстроены около школы. Забрали всех мужчин и парней старше 13 лет. Приехали немцы на повозках, загруженных каким-то имуществом, и повели жителей деревни по дороге в направлении деревень Денисовичи - Майское - Антоновка. Эта дорога вела на Рогачев, а параллельно ей шла линия обороны немцев. Катя уговорила немца (ездового) взять Марию и Надю на повозку, сама несла на руках Любу, и все мы шли следом за повозкой.

Когда колонна вытянулась за д. Денисовичи, ее начали обстреливать. Некоторые говорили, что из «катюш». Я тому не верю, хотя разрывы были очень плотными. Бесперывно на нас обрушивались комья мерзлой земли.

При первых же разрывах немцы быстро погнали лошадей. Вера и Борис побежали за повозкой, на которой сидели Мария и Надя. Я и Катя с Любой залегли в придорожной канаве, затем перебрались в траншею, в которой находились немцы. Слышались крики и стоны раненых. Убитых и раненых было много.

Когда обстрел прекратился, некоторые люди повернули обратно в свою деревню, а иные по канаве, пригибаясь, двинулись в сторону Майского. Катя с Любой и я также устремились в сторону Майского, так как где-то там, если не убиты, должны были быть Вера с Борисом и девочками. На окраине Майского нас со слезами встретили Вера с Борисом. Девочек не было. Никто из наших односельчан их не видел.

Немцы присоединили нас к жителям д. Майское и погнали далее в сторону Антоновки. Между Майским и Антоновкой опять начался обстрел. Люди разбежались по полю, пытаясь укрыться в находившемся недалеко кустарнике. Однако и здесь начали с визгом падать и взрываться мины и снаряды. Люди опять разбежались в разные стороны.

Небольшая группа сумела приблизиться к лесу, и немцам не удалось вернуть ее обратно. В этой группе оказались и я с невесткой Катей, на руках у которой была маленькая Люба.

Возглавил эту группу Николаев Галлактион, с которым были его жена (родная сестра моей матери), дочь Вера (проживает в Минске) и сын Григорий (умер). Была также в этой группе Гирилович Татьяна (моего возраста, проживает в Черной Вирне) с раненым в руку осколком снаряда младшим братом. Других людей из этой группы не помню (10-15 человек).

Все взрослые считали, что фронт здесь долго не удержится, скоро наши войска отгонят немцев за Днепр, и мы окажемся у своих. В лесу было полно немцев, то там, то здесь слышалась немецкая речь. Люба плакала и просила кушать. Чтобы не быть обнаруженными немцами, люди стали требовать ее у Кати, чтобы задушить. Катя не выпускала Любу из рук и уговаривала не плакать. Когда она поняла, что ее хотят задушить, перестала плакать и шепотом просила не душить ее. С этого времени до самой смерти Люба никогда не плакала и разговаривала только шепотом.

Костер жечь боялись. Было очень холодно. Мерзли ноги и руки. Чтобы не замерзнуть Галлактион все время водил нас по лесу. Еды у нас с Катей не было никакой. Тетя Марья иногда выделяла нам на троих один сухарик. Кружилась голова, в глазах рябило. Все очень завшивели. Я давно был не стрижен, волосы на голове были длинными, и когда, нагнув голову, я начинал их рукой растрясать, то снег от выпавших вшей становился серым и шевелился.

Бродили мы по лесу примерно неделю. Затем немцы нас обнаружили, привели в д. Осиновка и закрыли в огромный сарай, который стоял на некотором удалении от деревни. Все знали, что жителей д. Цупер немцы сожгли заживо. Такой же участи ожидали и мы. Люди перешептывались между собой. Истерики не было. По сравнению с лесом здесь было тепло, и вскоре я уснул.

Утром через д. Луговую Вирню немцы повели нас в г. Жлобин. При подходе к мосту через Днепр появился советский самолет (штурмовик), в сторону которого устремились сотни огненных трасс. С замиранием сердца следили мы за полетом, желая в душе летчику благополучно выбраться из этого ада. Все облегченно вздохнули, когда самолет оказался за пределами досягаемости извергаемого всеми видами оружия огня. Однако самолет стал разворачиваться и заходить к мосту на второй круг. Сопровождающие нас немцы также с интересом наблюдали за полетом. "Иван капут", - комментировали они. Самолет задымился, резко пошел вниз и упал в небольшое озеро, в 1-2 км от Луговой Вирни. Летчики погибли. Самолет и останки были обнаружены только в жаркое лето 1951 г., когда обмелело озеро. Мне и сейчас непонятны действия летчиков. Такую плотную завесу огня они проскочили чудом. Зачем было делать второй заход? Если бы протаранили мост, было бы все ясно...

Привели нас в Жлобинскую комендатуру, которая размещалась в школе по ул. Первомайской (эта школа функционирует и сегодня), допросили взрослых и всех отпустили.

Катя привела меня в больницу, где в одной из палат находилась мать и еще несколько женщин, не способных самостоятельно передвигаться. У одной женщины были ампутированы обе ноги. Она подорвалась на mine. Персонала в больнице не было, помещения не отапливались, и эти женщины были обречены погибнуть от голода и холода. Наше появление вызвало у всех бурную радость. Мать и радовалась и горевала. Было неизвестно живы ли Вера с Борисом и девочки.

Немного отдохнув, насобирали дров, протопили печь. Я пошел побираться. Просил что-нибудь съедобное и у своих граждан, и у немецких солдат. Собранную милостыню делили на всех поровну. Тем и жили. Вскоре наступил Новый (1944) год. Запомнился он тем, что немцы открыли бешеную стрельбу из стрелкового оружия, и мы подумали, что это наши наступают на Жлобин. Однако светящиеся трассы пуль были направлены вверх, и взрослые догадались, что это немцы встречают Новый год.

Через некоторое время сюда же, в больницу, пришла сестра Вера, 1920 г.р. (умерла), и с ней брат Борис, 1931 г.р. (умер), сестра Мария, 1937 г.р. (живет в Жлобине), сестра Надя 1939 г.р. (живет в г. Санкт-Петербурге).

Заняли пустующий дом и жили первое время только на выпрошенную милостыню. Побирались только мы, дети. Поскольку фронт стабилизировался, начала функционировать инфекционная больница для гражданского населения, куда Вера и Катя устроились на работу. Оплачивался их труд небольшим количеством каких-то продуктов, а едоков было много. Жилось очень трудно, питались один раз в день и то не досыта. Никто тогда еще не знал, что впереди будут еще более тяжелые испытания.

Немцы тем временем были отброшены за Днепр, и деревни к востоку от Днепра были освобождены нашими войсками. Многим жителям Заднепровья удалось ночами по льду Днепра перейти к своим. В одну из ночей мы тоже тронулись, но люди отговорили: семья очень большая, незаметно не пройдешь, постреляют всех. Вернулись обратно.

Чтобы не угнали в Германию, устраиваясь на работу в больницу, Вера записала на фамилию мужа Марию и Надю как

своих детей. (Ее муж, Кривенков Георгий, воевал на Балтийском флоте, погиб в 1945 г.).

В марте, на рассвете, немцы забрали Веру с детьми, сказав, что персонал больницы эвакуируется. За год или два до войны Вера окончила медицинское училище и работала в инфекционном отделении медсестрой. Катя работала санитаркой и, видимо, эвакуации не подлежала.

Сразу же после ухода Веры с детьми в дом зашла другая группа немцев, приказав быстро собираться и выходить на улицу. Мы жили на самой крайней улице г. Жлобина, где сейчас находится больница. Вся улица была заполнена огромной толпой людей, которую пригнали за колючую проволоку в районе железной дороги. Сидели за проволокой весь день и ночь, а утром битком набили в товарные вагоны, и поезд тронулся. Везли очень медленно, поезд часто останавливался. Сколько времени продолжалась поездка, не помню.

На одной из остановок с невероятным гвалтом немцы начали открывать вагоны и выгонять из них людей. Платформы не было, и выбраться из вагонов старикам и детям было совсем не просто. Особенно сложно было спустить мать, чтобы не допустить повторного перелома ноги, так как она еще не совсем зажила. Вокруг было поле, по которому проходила проселочная дорога. По этой дороге нас и погнали. Немцы шли по обочине довольно густой цепью. Я был уверен, что нас ведут расстреливать, так как о расстрелах немцами людей все были хорошо наслышаны. Однако свое мнение вслух не высказывал.

Несмотря на непрерывные окрики немцев, двигались очень медленно. Была страшная грязь. Выгоняя из дома, немцы не запрещали брать с собой вещи. Каждый старался захватить с собой все самое ценное. А ценным в тот период было буквально все: ведро, кастрюля, сковорода, чугунок, миска. Перечислил эти предметы потому, что они первыми оказались брошенными и втоптаннными в грязь, потом стали выбрасывать и другие вещи. К концу дня, идя в конце далеко растянувшейся толпы, мы шли по брошенным вещам утопающим в грязи. Катя несла Любу. Мать с одной стороны держалась за Катю, а с другой ее поддерживал Борис. Она сильно хромала.

Ночевать загнали за колючую проволоку на окраине какой-то деревни. Уставшие люди усаживались прямо на сильно переувлажненную землю, не имея сил соорудить хотя бы какую-

либо подстилку из имеющихся в руках вещей, которые еще не выбросили.

Оглядевшись вокруг (было еще светло), я увидел на вышках немцев с пулеметами. Сомнений, что нас здесь будут расстреливать, не оставалось, так как было ясно, что убежать эти люди не смогут и охранять их с пулеметами незачем. Говорить об этом не стал никому.

Размещались люди семьями (кучками), плотно примыкавшими друг к другу. Мои размышления были прерваны подошедшими к нам двумя детьми: мальчик лет шести-семи и девочка четырех-пяти лет. Они держались за руки и тихонечко плакали без слез. Мне стало очень жаль этих детей, и я начал следить за ними. Передвигаясь между кучками людей, они останавливались у каждой из них. Пока они находились в поле моего зрения не видел, чтобы кто-нибудь дал им что-либо из еды.

Утром всех молодых женщин забрали и увели. Оказывается, мысль о расстреле гнездилась не только во мне. Когда утром начали забирать женщин мать забрала Любу у Кати, сказав, что нас все равно расстреляют, а она может спастись. Опорой матери и Любы становились теперь мы с Борисом.

Оставшихся стариков и детей погнали дальше. Сестру Любу мы с Борисом привязали за спину матери и, поддерживая ее под руки, передвигались в общей толпе. Дорога проходила в лесу и была несколько суше чем вчера. Брошенные вещи встречались редко. Все, что тяжело было нести, люди бросили вчера. Слышал в толпе разговоры, что некоторые видели даже брошенных детей. Я этого не видел.

Ночевать загнали за такую же как вчера проволоку с вышками и пулеметами. Я все недоумевал: почему не расстреливают? Рядом с нами разместились и тихонечко гудели вчерашние дети. Никто не обращал на них внимания. Пососав и проглотив кусочек сухаря, я мгновенно уснул.

Утром опять повели дальше. После четвертого или пятого дня перехода дальше нас никуда гнать не стали. Вокруг шумел лес. Местность была сильно заболоченной. Во многих местах сияла вода. По периметру проволочного ограждения стояли вышки с охраной. В подошедших к проволоке или пытавшихся разжечь костер стреляли. Слышались пулеметные очереди, выстрелы орудий, разрывы снарядов. Мы с Борисом сразу же догадались,

что находимся вблизи передовой линии обороны.

От голода и холода весь период пребывания в лагере находился в полуобморочном состоянии, однако отдельные моменты четко сохранились в памяти на всю жизнь. Несколько раз, уже в этом лагере, подходили те двое горемычных детей, все также держась за руки. Никому до них не было дела. По всей вероятности, они искали мать. Как сумели добраться, не погибнув ранее, при переходах из лагеря в лагерь, не могу понять и сегодня. Может быть, они и в этом лагере сумели выжить? Жалость к ним я пронес через всю жизнь. Ведь у них не было матери, все к ним были равнодушны, каждый стремился любыми способами уберечь от гибели своих детей.

Помнится, однажды на большом грузовике немцы привезли маленькие белые кирпичики хлеба и начали изо всей силы бросать их в толпу. Озверевшие от голода люди по несколько человек набрасывались на упавший хлеб, вырывая его из рук друг у друга. Мне также удалось подхватить буханку и принести матери. Как потом выяснилось, этот хлеб был заражен сыпным тифом, что, вероятно, и явилось причиной смерти Любы, так как кроме нее мы переболели тифом летом.

В одну из ночей прошел обильный снегопад, а утром глазам представилось очень много снежных холмиков. Мы догадались, что это были умершие люди. Позже, когда снег начал подтаивать, иные живые, чтобы не сидеть в воде, подкладывали под себя трупы.

Сколько времени продолжалось пребывание в этом лагере, не помню. Наверное, не более полутора-двух недель. У нас совершенно не было чего есть, и больше мы не смогли бы выдержать, умерли бы с голоду.

Мы сидели недалеко от ворот, откуда хорошо просматривалась прилегающая к ним территория, а также по обе стороны от них вышки с охраной. Однажды утром мать обратила наше внимание, что на вышках нет немцев. Люди, увидев, что охрана отсутствует, устремились к воротам. Накопилась огромная толпа, под напором которой ворота распахнулись. Все устремились наружу за проволоку. Послышались взрывы и вопли. Прилегающая к воротам территория и дорога были заминированы. Под напором толпы оказавшиеся впереди люди гибли, подрываясь на минах.

Вскоре появившиеся красноармейцы навели порядок, пропуская через ворота небольшие партии, призывая следовать

друг за другом след в след. Мы также двинулись в путь.

У ворот и далее на значительном пространстве лежало много убитых и раненых на минах стариков и женщин. Тела их были обезображены взрывами. Раненые зывали о помощи, но люди медленно проходили мимо по уже вытоптанной в снегу и безопасной тропинке. В этом людском потоке шли и мы с матерью, к спине которой была привязана маленькая Люба.

Вскоре лес закончился. На его опушке проходила немецкая траншея с проволочными заграждениями. Впереди виднелись дома г.п. Озаричи, перед которыми проходила передовая линия обороны наших войск. Также с проволочными заграждениями. Между проволочными заграждениями русских и немецких позиций было очень много трупов красноармейцев. Лежали как снопы на сжатом поле, лицом в сторону немецкой обороны. Всем выходящим из лагеря было ясно, какой дорогой ценой заплачено за наше освобождение. Слышались рыдания, всхлипывания и возгласы: «Лучше бы мы погибли...».

Переночевали в г.п. Озаричах в домике, битком набитом красноармейцами. Утром всех отправили на станцию, погрузили в поезд и привезли в г. Калинковичи, где в санитарном поезде прошли санобработку, а затем в каком-то административном здании отбывали карантин.

С нашей семьей на карантине были жители нашей д. Черная Вирня: Бондарева Улита с двумя дочерьми, Гаев Кирилл с женой и двумя дочерьми, Мурашкин Василий с женой и двумя дочерьми, свидетельские показания которого приведены в материалах Нюрнбергского процесса.

После прохождения карантина нас поездом доставили на ж.д. станцию Шарибовка Буда-Кошелевского района, откуда добирались домой пешком в течение пяти дней. Сил хватало только пройти от деревни к деревне (3-4 км). Все эти деревни не были тронуты войной: дома целы, мычали коровы, во дворах виделась разная живность.

Когда со взгорка глазам предстала наша деревня, мать расплакалась. Дома уцелели кое-где. В восточной части, где проходила передовая линия обороны, не уцелело ни одного дома. А все эти дома были перед войной перевезены с хуторов... От людей часто слышались разговоры, что если бы не переселение с хуторов, потерь жилья от боевых действий было бы значительно меньше.

Об интенсивности обстрела деревни артиллерией можно сделать заключение на следующем примере. Посреди деревни на взгорке стоял огромный клуб, построенный из церкви, глухая стена которого была с восточной стороны. В этой стене было множество рваных пробоин от снарядов, количество которых никто из мальчишек точно не мог подсчитать. Устраивали даже своеобразные соревнования: кто сколько насчитает пробоин. Получалось где-то около 200, но точно никто сосчитать не мог.

Оба наших дома сгорели. Вернувшиеся жители обустроивались в немецких блиндажах. Мы также приспособили под жилье бункер, в котором немцы содержали лошадей.

Приусадебные участки и поля были изрыты траншеями, блиндажами и имели множество воронок от снарядов и авиабомб. Даже страшно думать было, что все это предстоит зарыть, вырастить урожай, построить жилища. Начался новый, довольно длительный и невероятно трудный, период жизни...

Люба умерла на второй день после возвращения (на Пасху). Почти все дети до 5-6 лет умерли в лагерях при прохождении карантина или после возвращения в родные места.

Что же касается детей более старшего возраста (имею в виду мальчишек), то многие из них, уцелев от болезней и перенесенных лишений, погибли или стали инвалидами, очищая от мин и снарядов поля, по которым проходила линия обороны. Действия эти были не осознанными. Влекло нас на бывшую линию обороны, конечно же, не чувство патриотизма, а нечто другое. Родители категорически запрещали даже притрагиваться к какой бы то ни было взрывчатке. В начальный период не проходило недели, чтобы кто-нибудь из ребят не подорвался. Раздававшийся взрыв, по-видимому, иглой пронизывал сердца наших матерей, так как нередко он извещал о чьей-то гибели или увечье. Однако каждый из нас, детей, почему-то твердо верил, что с ним ничего не случится, и при удобном случае убегал на передовую, продолжая смертельно опасную, не детскую работу, обезвреживая не только противопехотные, но и противотанковые мины.

Саперы прибыли в наши места для разминирования полей после завершения операции «Багратион». Эту работу военные выполняли каждый весенне-летний период в течение ряда лет.

Литература

Журнал «Belarus in the world. Politiks, ekonomics, security - № 2 – 2001», статья «Беларусь – Германия: уроки прошлого и поиск настоящего», Хорст Винкельманн, Чрезвычайный и Полномочный Посол ФРГ в Республике Беларусь.

Озаричи – лагерь смерти. Документы и материалы. Мн., 1997.

Заложники вермахта. Документы и материалы. Мн., 1999.

Узники Озаричских лагерей вспоминают. Научное издание. Мн., 1999.

Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941 – 1944. Мн., 2001.

Сталинский удар. Ежедневная красноармейская газета, 6 мая 1944 г., № 106.

Нюрнбергский процесс. Сборник материалов, т. 1. М., 1954.

Повторение пройденного. Второе издание./ Под ред. М. Богдан, – Мн., МГООВ, 2008. – 40 с.